

Фу Цинши не умел жить экономно, но когда дело касалось выгоды, он считал всё до последнего цента. Цзинь Луаньдянь, услышав его слова, задрожал от гнева. Он вытащил все деньги из кармана и сунул их ему в руку:

— Это всё, что у меня есть. Бери.

Фу Цинши подумал, что тот смягчился, и самодовольно сказал:

— Сяо Цзинь, спасибо тебе, но мне столько не нужно, возьми часть обратно.

— Всё твоё, — Цзинь Луаньдянь вышел из комнаты, не оборачиваясь, и решил больше никогда не возвращаться к Фу Цинши.

Цзинь Луаньдянь, измученный физически и морально, вернулся в особняк Шэнь. Едва он переступил порог, как сзади появился Шэнь Хуайчжан.

Цзинь Луаньдянь сделал вид, что не заметил его, и направился наверх, но Шэнь Хуайчжан обнял его сзади. Подойдя ближе, он почувствовал странный запах и спросил:

— От тебя чем-то несёт. Что это?

Цзинь Луаньдянь, не меняя выражения лица, ответил:

— Я устал, весь вспотел. Пойду помоюсь.

Шэнь Хуайчжан ущипнул его за бок:

— Вонючий пёс.

Опираясь на трость, Шэнь Хуайчжан медленно поднимался по ступенькам, а Цзинь Луаньдянь, естественно, оставил его позади. Он вошёл в ванную, чтобы смыть с себя запах Фу Цинши — запах нищеты после былой роскоши.

Шэнь Хуайчжан зашёл в спальню, но там никого не было. Он повернулся и направился в кабинет, но дверь была заперта. Шэнь Хуайчжан без труда догадался, чем занимается Бай Хунци.

Бай Хунци любил собирать старые газеты, пытаясь найти упоминания об Ань Вэймине. Ань Вэйминь был одним из крупных военачальников, контролировавших часть территории, но в газетах не было никаких сведений о его нынешнем местонахождении.

Шэнь Хуайчжан всё это время находился у Шаньхайгуаня, а Ань Вэйминь в основном действовал в центральных районах. Шэнь Хуайчжан лишь слышал о нём, а о связи Бай Хунци с Ань Вэймином он вообще ничего не знал.

После ужина Хэ Цзинью помог Шэнь Хуайчжану помыться, а Цзинь Луаньдянь хотел поговорить с Бай Хунци, но не решался. После долгих раздумий он решил не беспокоить его.

Цзинь Луаньдянь лёг на кровать в подавленном настроении. Он не желал зла никому, но Шэнь Хуайчжан не оставлял его в покое и даже втянул в свои дела Бай Хунци, причинив ему немало вреда. Цзинь Луаньдянь не хотел сидеть сложа руки и позволять другим вершить свою судьбу, но, даже если бы Шэнь Хуайчжан был хромым, он всё равно не смог бы с ним справиться.

Запирать дверь от Шэнь Хуайчжана было бесполезно. Он вошёл в комнату. Цзинь Луаньдянь уже не обращал на это внимания. Лучше пусть Шэнь Хуайчжан остаётся в его поле зрения, чем будет беспокоить Бай Хунци. Он не хотел ссориться с Шэнь Хуайчжаном, даже хотел удержать его, но не имел сил что-либо делать.

Цзинь Луаньдянь свернулся в углу кровати, а Шэнь Хуайчжан сел рядом и провёл рукой по его лицу, ощущая его прохладную и гладкую кожу. Цзинь Луаньдянь смотрел на него, а он смотрел на Цзинь Луаньдяня.

Чувства Шэнь Хуайчжана к Цзинь Луаньдяню были сложными. Человек, страдая, становится жестоким. Имея деньги и власть, он мог топтать гордых и благородных людей, но в глубине души его гложало чувство неполноценности, которое заставляло его испытывать любовь и привязанность. Он часто чувствовал себя недостойным, и чтобы заглушить эти эмоции, он становился ещё более жестоким по отношению к Цзинь Луаньдяню и Бай Хунци.

Шэнь Хуайчжан хотел, чтобы их унижали до такой степени, чтобы они больше не могли гордиться собой, но в то же время не хотел, чтобы они опускались до уровня ничтожества. Чем сложнее было подчинить человека, тем больше он хотел его мучить. И в то же время, когда его ругали или били, он испытывал странное удовольствие.

Поэтому поведение Бай Хунци полностью соответствовало его желаниям. Сначала Цзинь Луаньдянь тоже дал ему возможность насладиться смесью любви и ненависти, но Цзинь Луаньдянь не выдержал его издевательств и постепенно перестал сопротивляться. Интерес Шэнь Хуайчжана к нему ослаб, но он всё же надеялся снова задеть его за живое. В общем, Цзинь Луаньдянь стал для него чем-то вроде «недоеденного блюда» — не хочется выбрасывать, но и есть неинтересно.

Теперь, глядя друг на друга, Шэнь Хуайчжан был спокоен и даже чувствовал, что обидел Цзинь Луаньдяня. И не просто обидел — это Шэнь Чжэнжун заставил его страдать и ненавидеть. Цзинь Луаньдянь никогда не провоцировал его, если только его не вынуждали к этому. Изначально между ними не было никакой вражды!

Шэнь Хуайчжан наклонился и улыбнулся:

— Вонючий пёс, назови меня братом Шэнь.

Цзинь Луаньдянь отвернулся:

— Я не пёс, это отвратительно.

Шэнь Хуайчжан покачал его за плечи:

— Я сказал, назови.

Цзинь Луаньдянь раздражённо ответил:

— Не буду, это отвратительно.

Шэнь Хуайчжан снял обувь, забрался на кровать и прижался к спине Цзинь Луаньдяня, спокойно спросив:

— Чем ты сегодня занимался?

Цзинь Луаньдянь, сдерживая обиду, ответил:

— Встретился с бывшим возлюбленным.

Шэнь Хуайчжан пристально посмотрел на кончик его уха:

— Каким бывшим возлюбленным?

Шэнь Хуайчжан никогда не оставлял Цзинь Луаньдяню ни капли стыда. Перед ним он был абсолютно беззащитен:

— У меня много возлюбленных. На улице могу случайно наткнуться на любого.

Шэнь Хуайчжан стянул с него пижамные штаны, провёл пальцем между ягодиц и спросил:

— Ты играл с ним или он с тобой?

Цзинь Луаньдянь, не обладая такой наглостью, как Шэнь Хуайчжан, не стал продолжать. После короткой паузы он небрежно сказал:

— Брат Шэнь, я всегда был скитальцем без опоры. Если бы ты не издевался надо мной и относился ко мне лучше, у нас ведь нет большой вражды, я бы, наверное, тебя полюбил.

— Полюбил бы? — Шэнь Хуайчжану это показалось странным. Все вокруг подчинялись его власти, а Шэнь Чжэнжун ненавидел его всей душой. Любовь к нему была редким явлением. — Как бы ты меня полюбил?

Цзинь Луаньдянь, не задумываясь, ответил:

— Всей душой, как я люблю старшего брата, как...

Упомянув Юэ Гуаньшаня, Цзинь Луаньдянь замолчал. Не стоило говорить такие вещи, находясь в постели с другим мужчиной. Он посмотрел на Шэнь Хуайчжана, чьи глаза были влажными и яркими, затем снова отвернулся:

— Как ты любишь моего третьего брата, так и я буду любить тебя.

В душе Шэнь Хуайчжана возникло странное чувство. Он больше любил Бай Хунци, чем мучил его, что свидетельствовало о его привязанности. Но никто никогда не любил его искренне.

Шэнь Хуайчжан наклонился и поцеловал Цзинь Луаньдяня в губы, затем начал расстёгивать пуговицы на его пижаме, решив, что тоже может попробовать полюбить Цзинь Луаньдяня. Но Цзинь Луаньдянь не стал подчиняться и натянул штаны:

— Брат Шэнь, я не хочу.

Шэнь Хуайчжан не хотел принуждать его, но слова вырвались сами:

— Если ты откажешься, я пойду к твоему третьему брату.

Тело Цзинь Луаньдяня перестало слушаться, и он мгновенно обвил руками и ногами Шэнь Хуайчжана:

— Не трогай моего третьего брата.

Шэнь Хуайчжан прижал его к себе и начал расстёгивать пуговицы на пижаме, поцеловав его нежную кожу, а затем схватился за его светло-розовый сосок. Цзинь Луаньдянь, боясь боли, тихо сказал:

— Не кусай.

Шэнь Хуайчжан слегка прикусил сосок, думая, что Цзинь Луаньдянь, как собака, всегда считал себя нежным и хрупким, словно девушка. Он насмешливо спросил:

— Хочешь, чтобы я был нежнее?

Сосок от стимуляции стал твёрдым, и Цзинь Луаньдянь прикрыл грудь:

— Не кусай, он увеличится, и меня будут смеяться.

Шэнь Хуайчжан усмехнулся, откинулся на подушку и притянул Цзинь Луаньдяня к себе:

— Садись сверху.

Шэнь Хуайчжан снял халат, оставшись в шёлковых трусах, сквозь которые просвечивало его тело. Его член уже возбуждился. Цзинь Луаньдянь смотрел на чёткие линии его мышц, на его мощное тело, которое могло буквально раздавить его.

Цзинь Луаньдянь подумал, что Шэнь Хуайчжан был таким же статным, как его старший брат. Его тело было идеально сложено — чуть меньше, и он бы выглядел слишком худым, чуть больше — и он бы стал слишком массивным.

Цзинь Луаньдянь провёл рукой по его талии, затем опустил взгляд на грудь и лизнул его сосок.

Шэнь Хуайчжан слегка засмеялся:

— Что ты делаешь?

Цзинь Луаньдянь, покорно сев на его ноги, снял с него трусы. Боясь боли, он несколько раз пытался войти, но всё оставалось на уровне лёгкого прикосновения. Шэнь Хуайчжан, глядя на его спину, не торопился. Цзинь Луаньдянь не мог заставить себя продолжить и использовал руки и рот, чтобы довести Шэнь Хуайчжана до оргазма. Ладонь Цзинь Луаньдяня была липкой и влажной, и он с чувством мести вытер её о ягодичы Шэнь Хуайчжана.

Цзинь Луаньдянь, как животное, всегда вёл себя с Шэнь Хуайчжаном осторожно. Шэнь Хуайчжан не ударил его, а просто вытерся и сказал:

— Завтра пойдёшь со мной?

Цзинь Луаньдянь спросил:

— Куда? Я не хочу на боксёрский ринг.

Он добавил:

— И не в лагерь Бэйдаин.

Шэнь Хуайчжан улыбнулся:

— Ни туда, ни сюда.

На следующее утро Шэнь Хуайчжан привёл Цзинь Луаньдяня в управление, а затем отправился в старый дом семьи Шэнь.

<http://bllate.org/book/15577/1386945>